

**МИХАИЛ
ВОРОНОВ**

ДЕРЕВЕНСКАЯ
ПОЧТА

Калейдоскоп

Михаил Воронов
Деревенская почта

«Public Domain»

1871

Воронов М. А.

Деревенская почта / М. А. Воронов — «Public Domain»,
1871 — (Калейдоскоп)

«Весеннее солнце исправно-таки делает свое дело. Под его лучами скорехонько разрыхляются и тают наметенные в долгую зиму великаны-сугробы, оголяются до земли, с каждым днем все больше и больше плешивея, пригорки и изволочки, не десятками – сотнями всюду плодятся лужи и колдобины, и, точно вырвавшиеся из тяжелой неволи, с глухим говором катятся веселые ручьи, пенясь и увлекая всякую мелочь, какая попадает на пути. Через неделю пасха красная...»

Михаил Воронов

Деревенская почта

Весеннее солнце исправно-таки делает свое дело. Под его лучами скорехонько разрыхляются и тают наметенные в долгую зиму великаны-сугробы, оголяются до земли, с каждым днем все больше и больше плешивея, пригорки и изволочки, не десятками – сотнями всюду плодятся лужи и колдобины, и, точно вырвавшиеся из тяжелой неволи, с глухим говором катятся веселые ручьи, пенясь и увлекая всякую мелочь, какая попадает на пути. Через неделю пасха красная...

Весна разбудила даже Бутырскую слободу, долго и мирно спавшую под своими снеговыми сугробами. Куры закудахтали, захрюкали свиньи, с огородов и полей потянуло запахом навоза. Вечерами загудели гармоники и полились песни; уличная жизнь развернулась, стала люднее и шумнее; даже самый свисток на гвоздильном заводе играет сбор на утренней заре как будто радостнее, гулливее, а не по-зимнему, хрипло и жалостливо. «Благодать, мать честная!» – умиляясь, вопиет чумазый, как эфиоп, гвоздильщик, шваркая шапку оземь.

Пришел понедельник страстной недели, и кончилась работа на гвоздильном заводе. Рабочие получили из конторы завода расчет («дачку», как говорят они), – получили и заволновались. Одни потянулись в баню, другие торопятся сборами, чтобы поскорее схлынуть в деревню, третьи не меньше торопятся закупить и послать с земляками домой «гостинцы», четвертые столь же торопливо спешат к дядюшке Ипату и подобным ему благодетелям «обмыть дачку», пятые уже «обмыли», разнемогли и, словно ветром колыхаемые, шатаются из стороны в сторону, оглашая невинную улицу самыми ожесточенными ругательствами. Болит, ноет сердце будочниково при виде такой неурядицы: «Ох! не накласть ли?» – сжимая персты, думает он свою вековую административную думу.

– Герасим, а Герасим! Ты бы хоть бога побоялся, каторжная твоя душа! – кричит какая-то молодая бабенка, полуотворив кабацкую дверь и всунувши голову в щель.

– Прочь! – вырывается из кабака возглас в ответ. Женщина минуту стоит в размышлении.

– Ну, ежели не для меня, так хоть для родителей для своих... для дней этих страшных... Герася! Подь-ка, милый, что я скажу, – на все лады пытается она выманить своего несговорчивого Герасима.

Но Герасим упорно твердит «прочь!» и остается непреклонен и к проклятиям и к мольбам, так как влил уже в себя целых пять «махоньких», почему ему теперь не до родителей и страшных дней: он весь отдался увлекательному рассказу о том, что бы из него вышло, если бы да ему, Герасиму, вместо того чтобы «тянуть проволоку» на гвоздильном, пришлось бы пойти «по машинной части».

– Распьянюга, пьянюга ты подлая! Тьфу! – постояв некоторое время в ожидании, плюнула наконец молодница и, с сердцем хлопнув дверью, побежала вдоль улицы.

Перебежав три-четыре домика, она повернула в какой-то двор и затем шмыгнула в низенькую дверь кособокой избенки, ютившейся в самом дальнем углу этого двора. В избе в первую минуту трудно было разобрать что-нибудь: таким густым облаком стоял в ней табачный дым и так мало света давало единственное оконце, маленькое, запачканное и вдобавок пробитое как-то не у места.

– О, черти, трубокуры! Ишь как накурили: до тошноты инда! – кашляя, выбранилась бабочка и сбросила платок с головы.

– Ну, что? – разом спросили ее несколько голосов.

– Известно, что. Разве с вашим братом, с дьяволом, сообразишь, когда вы бельмы-то нальете!

– погоди, Никифоровна, мы и без того сдействуем в настоящем разе, – слышался еще чей-то голос. – Ты только говори, как тебе писать: в строгости али по-любезному? – утешал Никифоровну, как оказалось, писарь, уже сидевший за столом в ожидании работы. Перед писателем лежал сложенный вдвое полулист писчей бумаги и стоял пузырек с чернилами и воткну-тым в него гусиным пером; тут же стояла опорожненная косушка и рюмка.

– Так как же? – вопросительно возвел на Никифоровну писарь свои очи.

Молодуха села к столу, подперла ладонью щеку и задумалась.

– Ох, да что я! Разве нам в строгости-то можно писать, когда письмо пойдет к Герасимову отцу с матерью? – надумала наконец она. – Ведь это ему бы самому, псу, и сочинять, а он ишь...

– Ей по-любезному следует... и горазже-таки! – подтвердили человека четыре рабочих, находившихся тут же в избе: один из них, сидя в углу, переворачивал какие-то свертки и узелочки, то раскладывал их вдоль лавки поодиночке, то сгребая в одну общую кучу; другие подошли к столу и, затаив дыхание, впились глазами в писаря и ждали.

– Так от него писать? – спросил писарь, взявши перо в руку и устанавливая дрожащие пальцы на бумаге.

– Да, от Герасима... а и от меня тоже, – не совсем еще собравшись с мыслями, пробормотала молодница. – Но больше от него надоть, потому я, известно, хочь бы и жена, но все-таки ровно бы не то что чужая, а так как будто бы не из ихнего роду, – распространилась было она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.